

У. В. Золотова

Тверской государственный университет, магистрант

Научный руководитель: к.ф.н. Ю. В. Ланских

СУДЕБНАЯ РИТОРИКА В ЛИТЕРАТУРНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. ФРАНКА «УЧЕНИКИ ИИСУСА» И ЕГО ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

Литература, как одно из проявлений художественной культуры является отражением общественной жизни того или иного народа. Как только литература появляется на определенном этапе развития общества, она начинает оказывать активное влияние на жизнь в каждой конкретной области. Художественные образы, изображающие достижения и недостатки социального развития, содержат также правовые аспекты. Литература освещает правовые идеи, близкие современникам, проблемы государственной и личной жизни, а также вопросы, связанные с правосудием [Темнов 2010: 180].

Продолжая разговор о взаимоотношении права и литературы, стоит отметить, что они имеют долгую историю. Ведь правоотношения существовали с самых ранних времен и охватывали практически все аспекты жизни человека. Следовательно, правовые вопросы привлекали внимание художественной литературы на всех этапах развития общества [Самуйлова 2012: 137].

Рассматривая взаимовлияние литературы и права, представляется возможным выделить следующие факторы:

1. литература как источник художественного отображения правовых проблем, возникающих в обществе;
2. художественная литература как материал для юриста при изучении художественного отображения правовых проблем, возникающих в обществе;
3. литературные произведения, особенно романы, посвященные правовым конфликтам, предоставляющие дополнительную возможность для юристов понимать «природу закона», которая не была бы доступна в традиционном изучении только юридических дисциплин.

Художественная литература является своего рода справочником юридических прецедентов, позволяющих анализировать дела правового характера. Она также предлагает широкий спектр психологических характеристик персонажей, что позволяет юристу более глубоко понимать психологию человека и криминальную психологию. Таким образом, художественная литература может служить полезным инструментом для изучения права и психологии.

Чаще всего, следы права в литературном художественном творчестве можно отыскать в отражении актов судопроизводства, где особое внимание акцентируется на художественной адаптации уголовных процессов.

Самым распространённым следственным действием в уголовном судопроизводстве является допрос, без проведения которого невозможно

расследование ни одного уголовного дела. Целью допроса является получение правдивых показаний. Доказательства, полученные в ходе допроса, позволяют воссоздать целостную картину преступления, выявить участников преступного сообщества, их роли в противоправном деянии, цели, средства, умысел преступной деятельности. Участниками допроса как следственного действия являются допрашивающий и допрашиваемый. Допрос как следственное действие представляет собой не только способ получения доказательств, но и психологический «поединок» между следователем (дознавателем) либо судом и допрашиваемым лицом [Швец: URL].

С концепцией допроса тесно связано понятие судебной риторики или судебной речи. По мнению Л.А. Введенской и Л.Г. Павловой, «судебная речь – это публичная речь, обращенная к суду, а также ко всем участвующим и присутствующим при рассмотрении уголовного или гражданского дела, произнесенная в судебном заседании и представляющая собой изложение выводов оратора по данному делу и его возражения другим ораторам. Цель судебной речи – способствовать формированию внутреннего убеждения судей, убедительно и аргументированно воздействовать на народных и присяжных заседателей, присутствующих в зале граждан» [Введенская, Павлова 2003: 363]. Судебная речь – не просто изложение выводов оратора по конкретному делу, это и воздействие на аудиторию (прежде всего на судей или присяжных заседателей) с целью убеждения в истинности своей позиции. Это своего рода мост между пониманием оратором истины по делу и предстоящим судебным решением. Одной из главных особенностей судебной речи является её язык, который отличает его от языка других разновидностей речевого выступления. Так, судебная речь представляет собой выступление особого типа, поскольку ее характеризуют подчёркнутая диалогичность, дискуссионный характер, широкое использование терминов, отглагольных существительных; используется специфическая лексика, а также речевые клише [Швец: там же].

Для непосредственного рассмотрения и анализа перечисленных особенностей обратимся к тексту романа Л. Франка «Ученики Иисуса». События романа относятся к 1946 г. и разворачиваются в Вюрцбурге-на-Майне, разрушенном американской авиацией после того, как эсэсовское командование, не считаясь с волей бессильного населения, отклонило требование американцев сдать город без боя и подписало приказ об обороне. «Ученики Иисуса» – это тайное общество, члены которого отбирают имущество у спекулянтов и передают его нуждающимся. Судебное заседание происходит по поводу деятельности общества.

Роман переведён на русский язык Ревеккой Менасьевной Гальпериной, советской переводчицей художественной литературы с английского и немецкого языков. Она переводила таких именитых авторов, как Джек Лондон, Уильям Теккереи, Стефан Цвейг, Анна Зегерс, Ганс Фаллада, О.Генри, Э.Т.А. Гофман, Франц Кафка, Генрих Манн, Томас Манн, Эдгар Аллан По, Роберт Шекли.

Одна из первых упомянутых отличительных черт – диалогичность – проявляется на протяжении всего фрагмента романа, описывающего допрос свидетелей по делу:

Пример 1:

Оригинал	Перевод Р.М. Гальпериной
„Als ich in der Nacht erwachte, lag der Mantel auf meinem Bett.“ Der Baumeister Himmelhoch rief: „Er hat mein Wohnzimmerfenster eingeschlagen.“ „Sie schweigen, bis Sie gefragt werden. War Ihre Tür zugeschlossen, Herr Hohlfuß?“ „Der Keller hat keine Tür.“ „Und das Fenster?“ „Da ist kein Fenster mehr.“ „Wissen Sie, wer den Mantel auf Ihr Bett gelegt hat? Oder was dachten Sie sich?“ „Gar nichts. Ich <i>hab</i> mich nur gleich mit dem Mantel zugedeckt, weil's kalt war.“ „Wissen Sie, wer die Jünger Jesu sind?“ „Wer weiß das!“	– Когда я ночью проснулся, пальто лежало у меня на постели. Подрядчик Химмельгох завопил: – Он совершил кражу со взломом. <i>Выбил у меня окно в столовой.</i> – Вас не спрашивают. Скажите, господин Хольфус, дверь у Вас была закрыта? – В подвале нет двери. – <i>А окно?</i> – В нём давно нет стёкол. – И Вы не знаете, кто подбросил Вам пальто? Что же Вы тогда подумали? – Я ни о чём не думал. Просто взял пальто и укрылся. Мне было холодно. – Известно ли Вам, кто такие ученики Иисуса? – <i>Это никому не известно.</i>

На уровне синтаксиса в диалогических высказываниях как свидетеля, так и судьи можно выделить ряд особенностей, а именно короткие предложения, иногда даже с неполной грамматической основой, ср.: «Und das Fenster?», «А окно?» С целью передать разговорный характер речи и её эмоциональность. Л. Франк в оригинальном тексте применяет сокращения и элизии, характерные для устной речи («Ich **hab** mich nur gleich mit dem Mantel zugedeckt <...>»), а также восклицательные предложения, что при переводе оказывается утраченным, ср.: «Wer weiß das!» vs «Это никому не известно». Обращаясь к речи судьи, представляется возможным отметить противоположное: его высказывания так же лаконичны, однако, лишены всякой эмоциональности, ср.: «War Ihre Tür zugeschlossen, Herr Hohlfuß», «Wissen Sie, wer den Mantel auf Ihr Bett gelegt hat?» Выбор такого стиля общения объясняется правилами ведения допроса, а также особой тактикой, помогающей сохранять порядок проведения судебного разбирательства.

Продолжая анализ риторики судьи нельзя не отметить клишированность его высказываний.

Пример 2:

Оригинал	Перевод Р.М. Гальпериной
„Wenn unter den Anwesenden jemand ist, der von diesen Jüngern etwas bekommen hat, <i>sollte</i> er vortreten und es sagen.“	– Если в зале есть кто-нибудь, кто получил вспомоществование от «учеников», прошу встать и заявить об этом.

Пример 3:

Оригинал	Перевод Р.М. Гальпериной
„Alle, die jünger als siebzehn sind, <i>sollen</i> vortreten.“	– Всех присутствующих здесь мальчиков моложе семнадцати лет прошу выйти вперёд!

Примечательно, что в обоих примерах в оригинальном тексте встречается модальный глагол *sollen*. Однако в первом случае он выступает как часть конструкции *sollte* + *Infinitiv* в придаточном предложении условия, что закономерно передаётся в переводе при помощи союза *если*. Во втором же случае глагол несёт в себе семантику принуждения, отражая императивность высказывания судьи. При переводе в обоих примерах переводчик использует повелительное наклонение без модальности «прошу встать», «прошу выйти», что относит нас к всем известному шаблону русскоязычной судебной традиции «Прошу встать, суд идёт».

Другая немаловажная черта судебной риторики – её терминологичность. Активное использование специальной лексики наблюдается в следующем эпизоде допроса.

Пример 4:

Оригинал	Перевод Р.М. Гальпериной
„Bereuen Sie Ihre <i>Tat</i> ?“ „Ich werde es nie bereuen.“ „So leicht wiegt für Sie ein Menschenleben?“ „Für ihn wog das Leben meiner Eltern nichts.“ „Sie haben kein Schuldgefühl?“ „Ich Fühle mich seitdem besser.“ „Das ist allerhand“, sagte der <i>Vorsitzende</i> ... „Die <i>Täterin</i> hat gestanden. Das Motiv ist klar. Alles ist klar. Ein vorbedachter <i>Mord</i> . Wir könnten uns schon zurückziehen und das <i>Urteil fällen</i> “.	– Жалеете ли Вы о <i>содеянном</i> ? – Об этом я никогда не пожалею. – Разве жизнь человека для Вас так мало значит? – Много для него значила жизнь моих родителей! – И Вы не чувствуете себя виновной? – Я чувствую себя куда спокойнее. – Вот так так! — сказал <i>председатель</i> ... – <i>Убийца</i> созналась. Мотивы убийства ясны. Всё ясно. Заранее обдуманное <i>преступление</i> . Нам остаётся только удалиться и <i>вынести приговор</i> .

Пример 5:

Оригинал	Перевод Р.М. Гальпериной
„Wie benahm sich die <i>Angeklagte</i> ? War sie aufgeregt?“	«А как вела себя <i>обвиняемая</i> ? Проявляла ли она признаки душевного расстройства?»

Пример 6:

Оригинал	Перевод Р.М. Гальпериной
„Als das Ehepaar Freudenheim ermordet wurde, waren ungefähr hundert Personen anwesend, <i>Mitläufer</i> und eine beträchtliche Anzahl direkt <i>Beteiligter</i> .“	– Но ведь в момент убийства Фреёденгеймов присутствовало не менее ста человек – одни как прямые <i>соучастники</i> , другие просто как зрители.

Стоит обратить внимание, что часть терминологических единиц оригинала представляют собой субстантивированные причастия: «der Vorsitzende» (пример 4) vs «председатель», «die Angeklagte» vs «обвиняемая» (пример 5), «der Beteiligte» vs «соучастники» (пример 6). Только в случае с лексемой «обвиняемая» в обоих языках совпадает частеречная принадлежность слова, а именно субстантивированное страдательное причастие совершенного вида, в остальных случаях в переводе на русский используется суффиксальное словообразование с помощью формантов со значением действующего лица *-тель* и *-ник*. Данные несовпадения можно объяснить различием в продуктивности словообразовательных моделей русского и немецкого языков. В то время, как суффиксальные отглагольные дериваты, наиболее типичные для системы русского языка, акцентируют внимание на деятеле, субстантивированные причастия в немецком языке подчёркивают вовлеченность в процесс.

Обратная ситуация наблюдается в паре «Tat» vs «содеянное» (см. пример 4). Существительное «Tat» в немецком языке образовано от атематического глагола «tun» и обозначает поступок, субстантивации от причастий данного глагола не являются в современном немецком употребительными, при этом лексема «Tat» укоренилась в языке ещё в древневерхненемецкий период. Сравнивая данные номинации с их переводом, следует принимать во внимание, что практика судебной терминологии непосредственно связана с внутренней структурой языка и, зачастую, не оставляет переводчику выбора в пользу той или иной формы.

В том же самом отрывке можно наблюдать следующую пару «Täterin» vs «убийца». В отличие от русского языка немецкий имеет долгую традицию грамматически маркировать гендер. Рассматривая занятия и профессии, речь идёт о суффиксе *-in*, с помощью которого «Schüler» (рус. ученик) становится «Schülerin» (рус. ученица), а «Täter» (рус. преступник) – «Täterin» (рус. преступница). Сравнивая язык оригинала с переводом, немецкий вариант не упоминает состава преступления, при этом используя гендерно-маркированные аффиксы, акцентирует внимание на физическом поле обвиняемой. Р.М. Гальперина оказывается от лексической компенсации, акцентируя при этом внимание на характере преступления, а не на роли обвиняемой в рамках процесса.

Таким образом, анализ романа Л. Франка «Ученики Иисуса» позволяет убедиться в тесной взаимосвязи литературы и права, демонстрируя, как художественное произведение отражает особенности судопроизводства и

судебной риторики. Через призму литературного текста мы видим, как диалогичность, клишированность и терминологичность формируют уникальный стиль судебной речи, служащий не только установлению истины, но и оказанию воздействия на участников процесса. Изучение литературы в контексте права открывает новые перспективы для юристов, позволяя им глубже понимать психологию человека, мотивы преступлений и сложность правовых конфликтов. Литературные произведения становятся своеобразным полигоном для отработки навыков анализа, аргументации и убеждения, необходимых в юридической практике.

ЛИТЕРАТУРА

Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Риторика для юристов. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 642 с.

Самуйлова Л.В. Устность: право, фольклор, литература [Текст] / Л.В. Самуйлова // Вестник Тверского государственного университета. 2012. № 24 (Филология). С. 135-142.

Темнов Е.И. Звучащая юриспруденция = *Iurisprudentia eloquenta*: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010. 560 с.

Швец С.В. Общие положения судебной речи и юридической риторики URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-polozheniya-sudebnoy-rechi-i-yuridicheskoy-ritoriki/viewer> (дата обращения: 05.03.2025)

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Франк Л. Ученики Иисуса URL: <https://fb2.top/izbrannoe-v-2-tomah-793747/read/part-4> (дата обращения: 02.12.2024)

Frank L. Die Jünger Jesu. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1977. 223 S.